

Генри Ким

Девушка в белой куртке

Генри Ким Девушка в белой куртке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54304509 Self Pub; 2021

Аннотация

Вы никогда не задумывались, куда едут люди в поездах? В вагонах дальнего следования, электричках, автобусах? А если это не важно? Что если человеку неважно куда попасть, а главное, откуда уехать?

Ведь всем нам нужна поддержка. Все мы любим пить чай со сладким, когда за окном ветер и гром. И этот маленький добрый грустный рассказ, который не стыдно показать маме или младшей сестре, тому подтверждение. Приятного)

Генри Ким Девушка в белой куртке

На улице шёл дождь. Скрываясь за шторами, тяжёлые серебряные капли били по стеклу. Солнце ещё не село, и свет, проникающий в комнату, окрашивал всё в бледно-розовый.

Обычно в этот час люди только садятся ужинать, но я, раздевшись, уже закутался в два одеяла. У меня очень мёрзли ноги, и не имело значения, прижимал я ступни к горячим частям тела или нет, в отрыве от них ступни моментально становились холодными.

Раньше такого не было. Раньше у меня были невероятно тёплые руки. Даже зимой от них шёл пар, что очень нравилось моей первой девчонке. Затем всё как-то прошло, и теплота стала пропадать, пока не исчезла вовсе. Мои ладони стали обычными, а ступни словно опустили в холодную воду.

Пока на улице шёл дождь, я разговаривал с девушкой по телефону. С несуществующей девушкой, лица которой я никогда не видел. Она ехала в поезде и рассказывала об этом. Лёжа в кровати, я чувствовал, как мир проносится мимо меня. В своей закрытой зашторенной комнате, я чувствовал, как на том конце провода идёт дождь.

Мы часто созванивались, чтобы поговорить о всяких пустяках. О велосипедах, заборах или дожде. Она вечно отку-

да-то уезжала, и я привык к стуку колёс. Она говорила, что любит уезжать.

Однажды, перепутав номер, я наткнулся на плачущую девушку, и теперь созванивался с ней, как минимум, раз в

неделю. Я не знал её имени, но немногое знал о её жизни. Она знала обо мне всё. Девушкам требуется больше определённости, и она больше спрашивала, чем говорила. Только это мешало мне заснуть.

Вот бы прокатиться сейчас на велосипеде по набережной,
 мечтательно сказал я, зная, что ей это понравится. На самом деле, мне хотелось разлить по венам кипящее олово.
 Вся её жизнь состояла из движения. В предыдущий мой

звонок она ехала в Ростов, до этого – в Тверь. Я понятия не имел, из чего состоит её жизнь, кем она работает и где спит, но чувствовал, что задай я ей этот вопрос, он останется без ответа.

Только я хотел спросить, куда она отправляется в этот раз,

как в трубке что-то застучало и связь оборвалась: такое часто бывает, когда пересекаешь часовой пояс. Собрав последние остатки тепла, я выбрался из-под одеяла, чтобы поставить чайник. На мгновение мне показалось, что температура моего тела стала ниже нуля.

Выйдя на кухню, через окно я увидел, что на улице попрежнему шёл дождь. Последнее время он не прекращался ни на минуту. Я настолько привык к нему, что дождь шёл уже внутри меня, внутри моей души. Последние четыре года вода стекала по трахее ко дну желудка, но всё равно вся скапливалась у горла. Дождь мог идти сильнее или слабее, крупными или мелкими каплями, прямой или под углом, и каждый из них стал моим постоянным спутником. Он никогда не терял меня из виду. На

улице могло быть солнечно, пока я находился под крышей, но стоило мне дойти до ближайшего киоска, начиналась морось. Иногда мне удавалось не вымокать до нитки, иногда кто-то протягивал мне зонтик со сломанной ручкой, но, как это обычно бывает, его следовало потом вернуть. Подарков я не получал.

Выбравшись из-под одеяла, я понял, что проголодался. Пустой кипяток не заполнял внутреннюю пустоту пустого желудка, и я достал из холодильника варёные макароны и свиные рёбрышки. Уминая всё это за столом, я смотрел в стену, пока на телефон не пришло сообщение: «Этот абонент доступен для звонка».

- Обгладываю свиные рёбра и думаю о тебе, честно признался я безучастному телефону.
- Очаровательно, отозвался он, и на другом конце провода что-то загремело. Ничего романтичнее от тебя я ещё не слышала. Слушай. Я минут через сорок приезжаю, можешь меня встретить? Родители заняты.

Я прожевал мясо и нахмурил брови.

- Не понял. Куда приезжаешь?
- В Новосибирск. Ты же в городе сейчас? Не занят? –

- спрашивала она деловито, но второпях.

   Нет, но зачем тебе в Новосибирск? а я пытался анали-
- Нет, но зачем тебе в Новосибирск? а я пытался анализировать то, что на меня катилось.
   У меня родители тут живут, объяснила она. У меня с
- собой огромный чемодан, а колёсики не попадают в ширину пандуса. Я его даже с вокзала не вытащу, не то, что до метро. Сможешь помочь?
- Да, конечно, заторопился я, доставая из шкафа джинсы.
   А как я тебя узнаю?
  - Созвонимся, объяснила она и бросила трубку.

Я оделся, выше из квартиры, спустился на лифте, сел в машину, и на протяжении всего пути думал о том, как она ошеломила меня.

Вечер. Дождь. Дождь стучал по крыше моего автомобиля, на которой я смотрел из-под крыши вокзала, по которой дождь стучал тоже. Я ожидал неизвестный поезд, чтобы встретить девушку, которую никогда не видел. Промок-

шие от волнения ноги в ожидании особенно мёрзли, а она не брала трубку. За следующие двадцать минут приходили два поезда, и оба могли везти её. Со стороны мои поступки могли показаться безрассудными, я сам их видел такими, но отказать в помощи не мог.

Я бродил по залу ожидания, перебирая мусор в карманах, пока на телефон не пришло сообщение:

7 путь, Москва – Новосибирск, 20:45.

Через шесть минут, – отметил я, и поспешил на перрон.
 Десятки человек ожидали на перроне своих родных и

близких. Мужчины с нетерпением курили, женщины болтали и отряхивали одежду, а влюблённые, опустив глаза, чаще других поглядывали на часы. Я был здесь единственным ничего не чувствующим человеком. Ничего, кроме холода, и дождя, капающего на макушку.

Поезд показался из-за поворота, и встречающие подошли

ближе к рельсам, и я тоже подошёл. Когда поезд останавливался, встречающие чуть отошли от него, и я тоже отошёл. Вагоны проезжали мимо нас, и встречающие заглядывали в окна. Я тоже заглядывал, хоть и не понимал, что ищу. Когда народ высыпал на платформу и разбрёлся по сторонам, осталось лишь несколько ожидающих человек. Среди них была только одна девушка с большим чемоданом.

девочкой с длинными пальцами и светлой кожей, но угадал только кожу. Высокая, стройная, прямоходящая, молодая девушка. Белая куртка, чёрные брюки, шарф, сапожки.

Я представлял её совершенно другой. Маленькой хилой

Недлинные волосы, и, о счастье, недлинные пальцы. Я подошёл к ней, и она сразу меня узнала. Я представлял тебя совсем другой, – сознался я, разглядывая запавшие карие глаза, и выглядывающие из-под тёмно-русых волос серьги.

 А я тебя именно таким и представляла, – улыбнулась девушка и наклонила ко мне ручкой чемодан.

Я подвозил её до дома, выглядывая через мельтешащие дворники дорогу, а она сидела на заднем сидении, словно в такси. Мы ни о чём не разговаривали. На перроне она показалась мне весёлой, но в машине была скорее задумчивой. Её родители жили на краю города, и все тридцать минут поездки мы не говорили ни о чём, кроме дождя. Это было ужасно

неловко.

ждём уже стоял подросток, наверняка, её младший брат, сразу подскочивший к багажнику. Пока он вытаскивал чемодан, девушка выпалила «Спасибо», швырнула на переднее сидение бумажку, и выскочила из машины. Решив, что она бросила мне деньги, я уже приготовился отменно браниться, но бумажка оказалась запиской:

Когда я подъехал к дому её родителей, на улице под до-

Спасибо, что встретил и подвёз. Я бы хотела снова увидеться. Заедешь за мной завтра в час дня? Хочу тебе кое-что показать.

Девушка, имени которой я так и не спросил, убегала по дорожке к дому, прикрывая голову шарфом. Незнакомый подросток догонял её с чемоданом в руке. Разворачивая ма-

шину под дождём и в грязи, я поехал домой, где меня дожидались свиные рёбра и макароны. Я знал, что буду плохо спать этой ночью, и вовсе не из-за холодных ног, а потому что, где бы я ни был, там постоянно шёл дождь.

Встать на следующее утро с постели стоило мне большого

труда. В животе что-то кружило, а отражение лица в зеркале напоминало мутную лужу. Если бы я рассмотрел себя повнимательнее, то заметил бы, что с годами кожа на моём лице стала более рыхлой, а поры начала заполнять въевшаяся прописавшаяся щетина, будто голову мне посыпали пеплом.

Ночь прошла ужасно. Треть ночи я думал о том, что было днём, треть – общался с другом, ещё треть – пытался уснуть. – Всё вроде бы хорошо, работа есть, деньги есть, но вокруг столько пустоты, столько свободного пространства, что со-

столько пустоты, столько свооодного пространства, что создаётся какой-то вакуум. Наверное, в таком состоянии люди и заводят детей. От нечего делать, – как девчонка, жаловался я другу на жизнь.

Жизнь друга его устраивала, и я от зависти попытался оскорбить его.

– Что опять будешь лучше меня во всём? Как в армии?

– Далеко не во всём, – ответил он.

Минуту я проникался силой его слов, а затем расплакался, как ребёнок, мотая из стороны в сторону головой, вспоминая наше грязное прошлое.

На столе стояла кастрюля с вчерашними слипшимися макаронами и свиными костями. Сморщившись, я отвёл взгляд, и пошёл умываться. Через полтора часа мне нужно было забирать девушку в белой куртке.

Я сразу решил, что встречусь с ней вновь. Глупо было продолжать общаться по телефону, когда она здесь. У меня была возможность получше узнать её, в голове на полке скопилось много вопросов и я планировал задать ей их при первой встрече.

Она вновь была в белой куртке, а я не завтракал. С взятыми в хвост волосами, а я в рубашке. Встречая её у машины, я даже не вытащил рук из карманов, а она не обняла меня, но по нам было видно, что мы оба готовились к встрече. Даже в её простоте чувствовалась аккуратность, равно как, и в моей выбритости. Сев вперёд, она взмахнула ресницами и скомандовала:

- Нам к Дзержинскому мосту, и машина сквозь дождь заскользила колёсами по грязи.
  - Надолго ты здесь? взялся за дело я.

Меланхолично стирая пальцами пыль с бардачка, она ответила не сразу.

- Не знаю. На пару месяцев, наверное. Пока не надоест быть здесь, как надоело убегать отсюда.
- Вязаный шерстяной шарф закрывал её шею, но я всё равно увидел, как она сглотнула.
- Слушай, а кем ты работаешь? быстро сменил тему я, не успевая смутиться.
- Проводником в поезде.
- В безумном хохоте я упал на руль, и чуть было не потерял управление.
- Проводником?! Ахахахах. А я-то гадал, кто может так часто кататься на поездах. Думал, ты героин перевозишь!
  - Ну, это тоже, спокойно сказала девушка.
  - Глотая смех, в недоумении я воззрился на неё.

     Шутка, мягко улыбнулась она, и теперь мы рассмея-
- шутка, мягко улыонулась она, и теперь мы рассмеялись оба.

Когда мы подъехали к месту, она показала мне, где мож-

но припарковаться. Мы выбрались из машины, и я пошёл за ней. Она шла немного впереди, и я чувствовал себя отстающим. Микроскопические капли воды преследовали нас, больше напоминая испарения, чем дождь.

Мы прошли по набережной мимо соревнующихся велосипедистов до огороженной забором лестницы на сам мост.

Перед забором она остановилась и оглянулась, и я уже подумал, что она ответит на мой, готовый сорваться с губ вопрос, мол, что мы тут делаем, но она, отогнув сетку, юркнула под

и мне ничего не оставалось, кроме как, последовать за ней. Мы остановились на площадке, где в опоре моста было небольшое прямоугольное отверстие.

– Придётся немного замараться, – огласила девушка, сни-

неё. Ничего не объяснив, она устремилась вверх по лестнице,

мая свою белую куртку, и отдавая её мне. В толстовке, брюках, с хвостом волос на голове, она ныр-

нула руками вперёд в отверстие, и через пару секунд замахала мне изнутри рукой.

– Ну, давай мне вещи.

Очнувшись от оцепенения, я поспешно расстегнул куртку, и отдал обе ей.

ку, и отдал обе ей.

– Лезь ногами вперёд, я тебя поймаю, – послышался изнутри голос, не внушающий доверия.

Но всё же я попал внутрь. Ободрав и испачкав руки, я приземлился ногами на спрессованный гравий и золу. На туловище у меня была только одна рубашка с коротким рукавом и расстёгнутой верхней пуговицей.

Тебе стоило одеться потеплее, – отчитала меня девушка,
 надевая куртку. – Пойдём, нам туда.

Мы оказались в огромном, засыпанном золой, зале, напоминающим павильон. Потолок поддерживали колонны. Стены были разрисованы граффити и нецензурными надписями.

 Подростками мы часто проводили здесь время, – рассказывала она, пока мы спускались в какой-то тёмный тонбыл ходить по этому тоннелю, но конструкция, наверное, не выдерживала, и метромост провели рядом.

— Я знаю, — оборвал её я. — Только здесь никогда не бывал. Так мы сейчас в заброшенном тоннеле?

— Да.

нель. Она достала и кармана фонарик и посветила вокруг. – Изначально метро задумывали провести здесь, поезд должен

И ты местная? Ты жила здесь?Да.

– Долго?

нуться.

– Всю жизнь. Пока не начала ездить на поездах.

залось мне странным. Иногда попадались дырки в обшивке туннеля, и я мог наблюдать волнующуюся внизу воду.

– Мы бродили здесь с ребятами, занимались всякой гадостью. Курили, на стенах рисовали. Тут везде полно наших отметок «здесь был этот» и «тут был тот», можешь натолк-

Пустые бутылки, разбитое стекло, мусор и километры проводов валялись под ногами, облепляли стены и торчали изо всех щелей, но особой вони не чувствовалось, что пока-

Я достал из кармана телефон, и стал светить фонариком по стенам, но увидел только что-то грызущую мышь. Она нырнула во тьму, и я продолжил идти.

Минут через десять мы вышли в точно такой же павильон с колоннами, с которого и начали движение. Девушка в белой куртке замедлила шаг и развела руками.

 Я хотела показать тебе это, – сказала она, отвернувшись от меня лицом. – А точнее это место.

Она остановилась возле одной из колонн и посмотрела наверх на проходящую между колоннами железную балку. Я остановился рядом.

– А точнее, посмотреть сама.

маться пыль, и забирался ко мне в пропотевшие кроссовки. Мне захотелось дёрнуть плечами, но я не стал: не хотел разрушать атмосферу её паузы.

Ветер гулял по павильону, не задевая уставшую подни-

 От хорошей жизни дети не ползают по подвалам и заброшенным тоннелям, – продолжила она. – Они чего-то не

- понимают, или их не понимает кто-то. А зачастую им просто нужно тепло. Чуть больше тепла.

  Она замолчала, и я сделал один нерешительный шаг на-
  - Все мы пережили подобное.

встречу.

Мои слова нырнули в пустоту, не возымев никакого отклика. Девушка в белой куртке продолжала смотреть на балку, дотронулась рукой до колонны. Затем она повернулась ко мне, и, подняв руки к шарфу, стала развязывать его.

– Я знала, что меня найдут, – затряслись её бледно-розовые губы, произнося слова быстро и промежутками, – если не друзья, так кто-нибудь другой, тут много кто ходил. Я назначила здесь им встречу, но или я пришла слишком рано, либо они опоздали.

В тусклом свете прорывающимся сквозь небольшие окошки я видел, как белеют её пальцы. Как бледнеет и без того светлое лицо. Как выбиваются из хвоста седые волосы.

 Я провисела здесь целую вечность, – продолжала она, и первые слёзы покатились к уголкам рта. – Хваталась ногами за колонну и подтягивалась на руках, пока ребята не пришли на помощь.

Её руки держали шарф. Её шею покрывал широкий, давний след от петли, незаметный, если его как следует напудрить. Её глаза смотрели в мои, и из них рвался дождь.

Я сделал ещё несколько неуверенных шагов и обнял её. Она плакала и обнимала меня, вжимаясь глазами в плечо. – Я так устала убегать, – слышал я её всхлипывающий го-

– Я так устала убегать, – слышал я ее всхлипывающии голос.
 – Так устала прятаться от прошлого.
 Она плакала, а добимал её за спину. Наключив голову.

Она плакала, а я обнимал её за спину. Наклонив голову, я поцеловал в волосы и погладил по голове незнакомую девушку. Девушку в белой куртке.

И тогда случилось это.

В холодной заброшенной подземке, поздней ветреной осенью с промокшими ногами в лёгкой куртке на одной рубашке я обнимал плачущую девушку без имени, и вновь видел, как от моей руки, лежащей на её спине, идёт пар.

В оформлении обложки использована иллюстрация с сайта https://pixabay.com/photos/fall-autumn-red-season-woods-1072821/